

Сергей Баруздин

РАВИ, ШАШИ,
СНЕЖОК
И
ДРУГИЕ

Издательство
„Детская
литература“

Наша марка (Детская литература)

Сергей Баруздин

**Рави, Шаши, Снежок
и другие (сборник)**

Издательство «Детская литература»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Баруздин С. А.

Рави, Шаши, Снежок и другие (сборник) / С. А. Баруздин —
Издательство «Детская литература», — (Наша марка (Детская
литература))

ISBN 978-5-08-005637-6

Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991) написал много стихотворений и рассказов о детях. А эта книга – о животных. Вы прочтёте о том, как слонята Рави и Шаши оказались в Одесском зоопарке, преодолев далёкий путь через океан. О том, как белый медвежонок Снежок, оставшийся без матери, оказался в зоопарке Индии. И ещё здесь собраны увлекательные истории о хитром бурундуке Симпатяге, домашнем крокодиле Топ-Топе, простуженном ёжике и многих других братьях наших меньших. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005637-6

© Баруздин С. А.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

Пчелиная напасть	5
Почему я боюсь ящериц	8
Давид и Катя	10
Странный ослик	12
Желтопузик	14
Грустный рассказ	16
Хитрый Симпатияга	18
Топ-топ	20
Полосатая киса	22
Слоновья память	24
Сложное поручение	26
Топкин портрет	28
Зачем белке хвост	30
Благородные яки	33
Кто как радио слушает	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Баруздин
Рави, Шаши, Снежок и
другие: рассказы о животных

Пчелиная напасть

Жил я в детстве в деревне на Ярославщине. Всем был доволен: и рекой, и лесом, и полной свободой.

Часто сидел я с ребятами в ночном у костра.

Но было одно «но». Вот об этом «но» я и хочу рассказать.

У хозяина дома, в котором мы жили, было несколько ульев с пчёлами. Говорят, пчёлы – миролюбивые существа, если их не обижать. И верно: наши пчёлы никого не кусали, не трогали. Никого, кроме меня. Стоило мне выйти из избы, как какая-нибудь пчела обязательно меня укусит. А бывали дни, когда меня жалили и по несколько раз.

– Балуюсь ты много, – говорила мать, – вот они тебя и кусают.

– Да вовсе не балуюсь! – оправдывался я. – Совсем их не трогаю.

«Что за напасть такая! – думал я. – Может, они меня перепутали с кем-то? Ведь другие пчёлы не жалят меня – в лесу, в поле, – а свои...»

Время шло, и не было дня, чтобы я избежал этой пчелиной напасти. То под глазом у меня шишка, то на щеке, то на затылке. А однажды пчела ужалила в спину, и я совсем измучился: почесать укушенное место и то нельзя – рукой никак не дотянешься.

Хотел я спросить нашего хозяина, почему пчёлы меня не любят, но побоялся.

«Подумает ещё, что я действительно их обижаю. Как я ему докажу, что вовсе их не трогаю? А ведь пчела, говорят, после того как ужалит, умирает. Значит, немало их по моей вине погибло».

Но вышло так, что я всё равно не избежал разговора с хозяином. И хорошо, а то бы всё лето мучился.

Как-то вечером сидел я весь искусанный за столом, ужинал. Вошёл в комнату хозяин, спрашивает:

– Тебя что, пчёлы покусали?

– Покусали, – говорю. – Только вы не подумайте, что я их дразнил. Я к ульям и близко не подхожу...

Хозяин недоверчиво покачал головой.

– Странно, – говорит. – Они у меня смирные...

А сам, вижу, ко мне присматривается.

– А ты лук любишь? – спрашивает вдруг он. – Вроде луком от тебя пахнет.

Я обрадовался, что меня не ругают за пчёл, и отвечаю:

– Да, очень люблю! Каждый день, наверное, кило зелёного лука съедаю. С солью да с чёрным хлебом. Знаете, как вкусно!

– Вот, брат, за это они тебя и кусают! – рассмеялся хозяин. – Мои пчёлы прямо не переносят запаха лука. Да и вообще пчёлы к разным запахам очень привередливы. Есть такие, что одеколон не любят или керосин, а мои – лук. Придётся тебе воздержаться от лука.

С того дня я за всё лето больше ни одной стрелки лука не съел. Если в супе попадался – всё равно выбрасывал. Боялся, что пчёлы покусают.

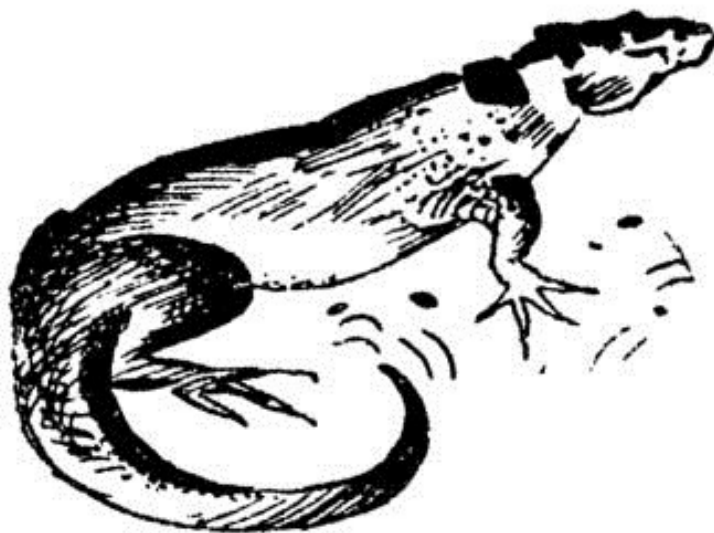
А они, и верно, перестали меня жалить. Однажды я даже рядом с ульями стоял, когда соты из них вынимали, и то пчёлы не тронули меня!

Почему я боюсь ящериц

Давно, когда я был мальчишкой, жила у меня ящерица. Зелёная, с синими отливами и на теле и на длинном хвосте. Симпатичная.

У ящерицы был домик – я сам построил из фанеры – с маленьким стеклянным окошком. Я кормил её мучными червями, а это было непросто. За червями надо было ходить в зоомагазин на Кузнецком Мосту. Это сразу две проблемы. Деньги нужны для червей – раз. А выпросил деньги у родителей – червей нет в магазине.

Но всё было хорошо, даже слишком хорошо. Ящерица привыкла ко мне. Не кусалась, когда я брал её в руки, бегала по рукам и по плечам, по шее и по голове и смотрела на меня в ожидании: я должен её чем-то угостить. Длинный её язычок почти облизывал мои пальцы, она ждала. Я давал ей из рук мучного червя.

Как-то пришёл ко мне товарищ по школе. Я показал ему ящерицу.

– А ты её за хвост можешь схватить? – спросил товарищ.

– Не знаю, – сказал я. – Наверно, могу...

И, к удовольствию своего товарища, я храбро схватил ящерицу за хвост.

– Здорово! – сказал мой товарищ. И ушёл.

Когда ушёл, я увидел страшное: хвоста у ящерицы не было. Хвост лежал... Да что там лежал?! Хвост валялся на полу!

Я положил бесхвостую ящерицу в её фанерный домик с маленьким стеклянным окошком.

Через два дня она умерла. Она ничего не ела. Я закопал её в землю на Чистых прудах.

Много лет прошло с тех пор. Видел я всяких ящериц, и дети мои не раз просили меня: «Папа, давай купим...»

Нет! Не могу!

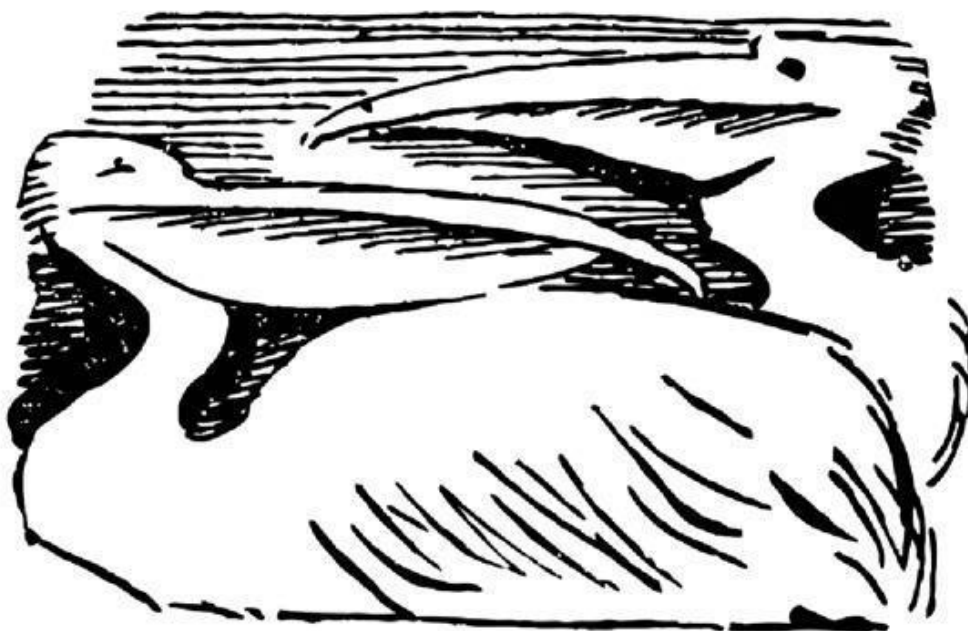
Будто есть у меня вина перед той, довоенной, которую я не сохранил...

Давид и Катя

Давид и Катя – пеликаны. Розовые пеликаны. Или баба-птица, как называют пеликана по-научному.

Я познакомился с ними в самолёте, когда ещё не знал, что они – Давид и Катя. Впрочем, никто не знал.

В то время не было Ту-104 и Ил-18. Были обычные винтовые самолёты Ил-14 – наши «дугласики», как мы их называли.

Рейс был трудный. То мы никак не вылетали из Москвы, то начались непредвиденные посадки – в Пензе, а потом и в Ростове. И там и там сидели. Но вот ещё одна неожиданная – в Минеральных Водах.

Я не выдержал. Я торопился.

Начальник аэропорта спросил меня:

– На грузовом полетите?

– Полечу, – сказал я.

Самолёт был грузовой. Мешки, тюки, ящики. И ни одного сиденья. Ещё две клетки. Большие клетки. В каждой – по бело-розовой птице с огромными желтоватыми клювами.

Пеликаны. Они самые. Не узнать их невозможно!

Уже интересно.

Я прыгал с мешков на ящики и с ящиков на мешки: самолёт болтало. Мы были втроем в грузовом отсеке самолёта – два пеликана и я. Три лётчика не в счёт – они отдельно от нас.

Я наблюдал за пеликанами.

Один из них побольше. Второй поменьше. Клетки стоят рядом. Тот, что поменьше, всё время волнуется, пытается просунуть клюв через решётку в сторону соседа. А сосед лежит и не обращает никакого внимания на это.

Или его укачало?

Глаза у него ярко-красные. Не помню, должны быть такие глаза у пеликана или не должны быть...

Появляется один из лётчиков. Видит, что я сижу уже возле клеток с пеликанами, спрашивает:

– Интересуетесь?

– А куда вы их везёте? – в ответ спрашиваю я. – И почему вот этот, что поменьше, так волнуется?

– В зоопарк какой или ещё куда! Нам не докладывают. Наше дело доставить, – сказал лётчик. – А насчёт волнения – вы правы. Понимаете ли, при посадке в самолёт их разделили. Я был против этого. Привезли в одной клетке, а разделили на две. Вот пеликанша и волнуется...

«Как их зовут?» – хотел спросить я, но было уже поздно. Самолёт пошёл на посадку – лётчик ушёл в свою кабину.

Я совсем забыл об этом, но недавно оказался впервые в Гагре. Погода была плохая. Даже купаться не хотелось.

– А Давида и Катю не видели? – спросили меня. – Сходите в парк, посмотрите.

В парке, помимо людей, были лебеди и утки, павлины и музыка – пластинки, которые проигрывают так, чтобы все слышали, даже кому не хочется...

Но вот островок. Кругом вода. А на островке – два пеликана. Один побольше. Из-под белых перьев видны розовые, а на груди – почти жёлтые. На голове – хохолок длинный и чуть взъерошенный. Рядом – пеликан поменьше. Всё то же, но без хохолка. Ноги красивые, светло-красные.

А глаза! Удивительно знакомые глаза! Ярко-красные! И у маленького пеликана, и у большого. Где-то я их видел?..

Рядом были люди. Из их слов я понял, что большой пеликан – Давид, а маленький – Катя.

Пеликаны вошли в воду. И поплыли горделиво рядом с утками и лебедями, не обращая на них внимания. Давид плыл впереди. Катя – за ним.

Теперь я вспомнил их. Точно вспомнил. Это те пеликаны, которые летели со мной в самолёте.

Катя начала нырять на дно маленького пруда.

Она захлёбывалась в свой огромный клюв что-то и догоняла Давида. Потом опять захлёбывалась и опять догоняла.

Давид вёл себя слишком гордо. Он даже не замечал, что Катя плывёт за ним и призывно просит: «Крыр-вы! Крыр-вы!..»

Но вот Давид остановился, и Катя догнала его. Её мешок под клювом был наполнен рыбой.

Давид открыл свой клюв. Спокойно открыл, словно только и ждал этого случая.

Катя осторожно сунула свой клюв в клюв Давида. И долго кормила его.

– Почему Катя кормит Давида? – спросил я потом у женщины, которая опекает птиц в Гагринском парке.

– Так у него зубы болели! – сказала мне женщина. – Ну, не зубы, а это, как у них, пеликанов, тонкие валики. Был в больнице на операции. После того сам не ест. А Катя его кормит...

Странный ослик

В Могадишо – это столица африканской страны Сомали – мы попали не в лучшее время года: весна, а в Африке это период ливневых дождей. Было жарко. Было страшно душно. Было очень влажно. Ливни хлестали один за другим. И ещё беда – я забыл взять из Москвы сапожную щётку и гуталин.

А по такой погоде чистить ботинки каждый час просто необходимо. Там – встреча, и опять – встреча. С грязными, забрызганными жёлтой глинистой водой ботинками на встречу не пойдёшь...

У дверей нашей гостиницы всегда крутились чистильщики ботинок. Мальчишки шести – восьми лет. И не только чистильщики. Стоит тебе выйти из гостиницы – какой-то мальчуган открывает тебе дверь. Ему надо заплатить за эту услугу. А тут следующий останавливает для тебя такси и открывает дверцы – опять заплати. И ещё чистильщики...

Раз в два-три дня почистишь ботинки, а потом воздерживаешься: увы, денег не так много...

Вот тут и начинается рассказ.

Я заметил из окна гостиницы ослика. Не такого, как у нас на Кавказе или в Средней Азии. Длинные тяжёлые уши, небольшая грива и тонкий, с кисточкой хвост. Не ослик, а почти лошадка. Шерсть рыже-серая, чуть облезлая по бокам. На спине вместо седла два маленьких ящика с какими-то надписями. С одной стороны – английской, с другой – французской.

Я видел, как мальчишки-чистильщики да и остальные их друзья, кто зарабатывает мелочь у гостиницы, гоняли бедного осла, а он, упрямый, не уходил. Отбрыкивался от них, семенил в сторону, словно играя, и вновь возвращался назад.

Иногда кто-то из живущих в гостинице мужчин, выйдя на улицу, приветливо махал ослику и вместе с ним уходил куда-то влево, за угол.

Странный ослик!

Почему он крутится всё время у гостиницы? Почему его гоняют мальчишки? И что у него за надписи по бокам: английская и французская? И куда он уводит мужчин?

Я вышел из гостиницы. Ослик был тут как тут. Он подбежал ко мне, нагнул голову, посмотрел и, как мне показалось, даже понюхал мои ботинки и куда-то повёл меня.

Мы свернули влево, и через десять метров я увидел чистильщика. Ослик подвёл меня к нему и радостно замахал головой.

А чистильщик, пожилой сомалиец, был очень доволен: он вскочил навстречу мне со щётками в руках, моментально схватил меня за ноги и начал работать. И говорил, говорил, говорил при этом на всех языках, которые он как-то знал, а я не знал совсем.

Я кивал: что ж, чистить так чистить!

Ослик тем временем постоял рядом с нами, опять опустил голову к моим ботинкам, уже пахнувшим свежим гуталином, и направился назад к гостинице. Сам направился. Хозяин ему ни слова не сказал, а может быть, и сказал, но я не расслышал.

А чистильщик старался так, что мне даже неловко стало. И говорил что-то очень дружеское. Я стоял, меняя ноги, и молчал. Но вот «спектакль» закончился, и я протянул чистильщику деньги – две бумажки, сомалийские франки.

– Спасибо! – сказал я по-русски.

Чистильщик взметнулся:

– Рашен! Рус! Но! Но!

И бросил деньги на землю. Затаптал их и начал что-то кричать.

Признаюсь, я чувствовал себя не очень ловко. Деньги остались на земле. Чистильщик был раздосадован.

Я попрощался с ним и пошёл в гостиницу. Не дойдя до поворота, я повстречал знакомого ослика, который вёл за собой какого-то важного господина в грязных ботинках.

Мальчишки-чистильщики возле гостиницы негодовали.

Наутро ослик опять был возле гостиницы.

Но что это? Рядом с двумя маленькими ящиками у ослика и слева и справа были два куска белой материи, на которых русскими буквами написано:

«Рашен – хорошьё!»

«Хорошьё» значит «хорошо». А «рашен» – это «русский». Тоже – хорошо!

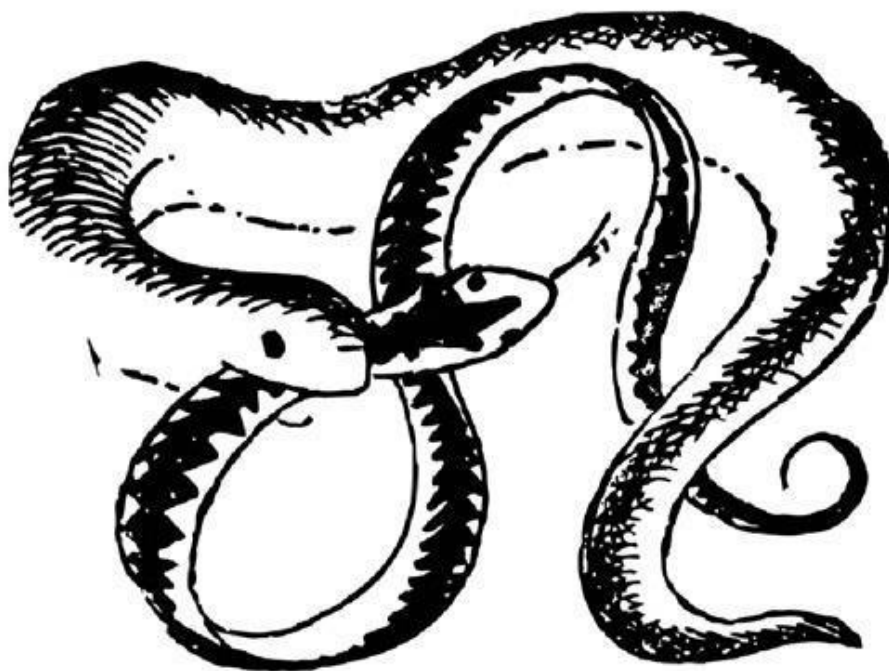
На шее у ослика висела верёвочка, а на ней – красный кусок материи с серпом и молотом.

Ослик встретил меня как старого знакомого. Только я вышел из гостиницы, подбежал ко мне, наклонил голову и обнюхал ботинки. Ботинки были чистые, блестящие, ещё со вчерашнего дня. Ослик лизнул меня в руку и пошёл в сторону – искать новых клиентов для своего хозяина. Ведь они оба работают: хозяин – работник и ослик – реклама...

Жаль только, что не узнал я тогда имени этого ослика.

Желтопузик

В Туркмении, в каракумских песках, мы остановились в колхозе. Приехали поздно, но нас ждали. Глубокой ночью мы расстались с друзьями, и меня повели спать – в маленький домик в саду, милый и спокойный. Там я и устроился и сразу уснул.

То ли во сне мне приснилось, то ли наяву я услышал страшную возню в комнате – и писк, и крик какой-то с придыханием. Показалось – змея!

Я зажёл свет, закурил и ничего не увидел. Никого. И звуки все стихли.

«Может, приснилось? – подумал я. – Я немного знаю змей. Когда-то ужи у меня водились. Давно – в детстве. Да и потом видел – разных».

Всё было тихо. И я опять попытался уснуть, выключив свет. Но только выключил – на полу началась возня. Сначала под моей кроватью. Потом шуршание, опять писк и крик с придыханием.

Я включил свет.

На полу было непонятное. Лежали две змеи. Одна – тонкая, длинная, плоская, с тёмными зигзагами на чешуе. Голова её, маленькая, но шире, чем тело, лежала отдельно. Гадюка! А рядом с ней победоносно лежал желтопузик. Как длинная, вытянутая шина. Сверху серо-чёрный, а по брюху жёлтый. Желтопузик!

Он лежал как победитель и смотрел на меня круглыми, очень круглыми глазами. Извивался, и хвост его дрыгал. Как у собак, в удовольствии.

Я позвал его, поманил, но он не пополз ко мне, а сильнее вцепился в голову гадюки и, извиваясь, поволок её куда-то, видимо на улицу, поскольку дверь я не закрывал. Потом вернулся, вновь бросил на меня взгляд круглых глаз и схватил остальное – потащил туловище гадюки.

Время шло к рассвету. И уже гудели Каракумы голосами птиц и насекомых – всё пело, жужжало и ожидало нового дня.

Конечно, я не уснул, хотя и старался. Лежал и думал, как утром расскажу своим новым друзьям про ночное приключение. И добавлю, между прочим, что если бы не этот желтопузик, то гадюка могла...

Настало утро.

– Как спали? – спросили друзья.

– Отлично спал! – ответил я.

И на всякий случай посмотрел на пол. Следов гадюки не было. Но не было и желтопузика. А жаль!

Грустный рассказ

В начале лета были мы с сыном в Крыму. Когда ходили в горы, поймали черепаху.

– Давай отпустим? – предложил я сыну.

– Давай возьмём? – предложил мне сын.

– Давай, – согласился я.

Взяли черепаху. Она оказалась почти ручная. Не прятала голову под панцирь, когда мы кормили её салатом и капустой и какой-то особо вкусной травой, которую находил для черепахи сын. Салат черепаха брала даже из рук.

Три недели прошло – вернулись в Москву с черепахой.

А в Москве у нас собака.

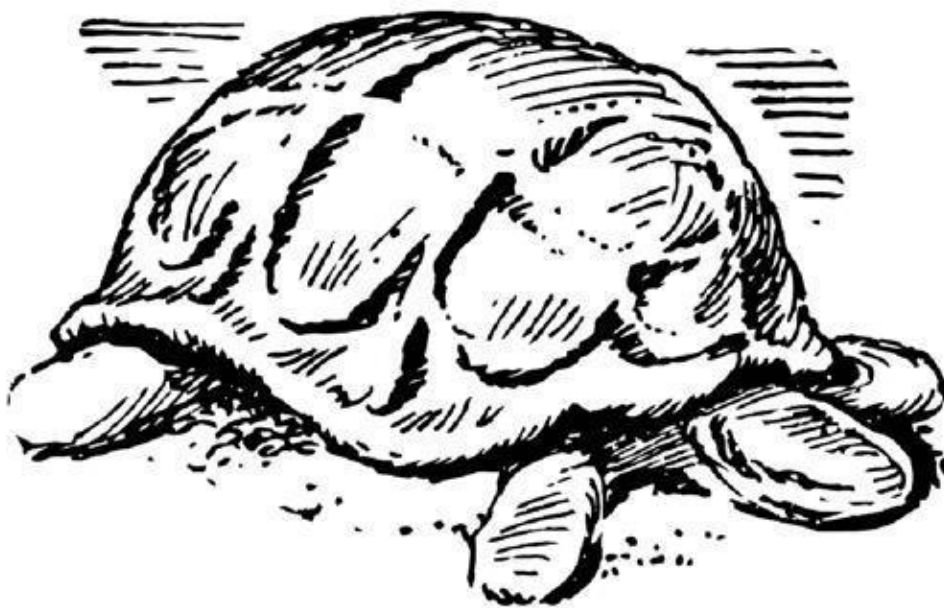
Как собака встретит черепаху? Как черепаха отнесётся к собаке?

Но всё обошлось. Собака полаяла удивлённо на незнакомое существо. Черепаха не с меньшим удивлением смотрела на собаку, но голову под панцирь не прятала.

Через два дня они стали друзьями.

Черепаха спокойно ползала рядом с лежавшей собакой, а собака смотрела на черепаху полужакрытыми глазами, а иногда и бросалась её лизать. И панцирь, и голову. И черепаха терпела. Вроде ей это и нравилось.

Вскоре мы уехали на дачу – до осени.

Для собаки это счастье: бегай и гуляй весь день, и не то что в Москве – три раза прогулка и то на поводке.

– И для черепахи – счастье, – сказал мне сын. – Она будет гулять по траве...

Прошёл июль, и август был на исходе.

Сын каждое утро выпускал собаку и черепаху на волю, они гуляли и даже играли. И ели какие-то травы: собака – свои, черепаха – свои.

К концу августа погода испортилась.

Похолодало. Пошли дожди.

Но жизнь шла по-прежнему. С утра сын выпускал на улицу черепаху и собаку.

Было сыро, промозгло, дождливо. Собака радовалась. И черепаха ползала...

Но вот исчезла.

– Папа, черепахи нигде нет!

Собака прибежала домой, и вид у неё был тоже виноватый.

Мы пошли с сыном искать черепаху. Облазили под дождём всё: и кусты крапивы, и кусты малины, и заросли бузины, – но черепахи нигде не нашли.

Вернулись грустные. Ничего не поделаешь!

Первого сентября сыну – в школу. Мы уехали с дачи.

Прошёл год, и наступило следующее лето.

И опять мы на даче. И опять для собаки это – радость. Бегай, гуляй, не так, как в Москве.

Собака бегала и гуляла, пока мы разбирали вещи.

И вдруг примчалась к нам мокрая, взъерошенная и очень беспокойная и о чём-то явно просила нас – то сына, то меня.

– Пойдём посмотрим, – сказал мне сын.

Мы пошли.

Собака суежилась, но привела нас туда, куда надо.

Возле трубы, по которой идёт тепло на дачу, она раскопала землю, и там...

Там лежала наша черепаха. Вернее, панцирь её лежал.

Значит, черепаха искала тепло. И забивалась под землю, ближе к трубе.

Мы с сыном закопали останки черепахи.

Собака всё поняла и не стала вновь разгребать насыпанную землю. Поняла, что у нас с сыном невесёлое настроение, и так же грустно, опустив уши, побрела за нами.

...Недавно мы с сыном, который уже подросток, совершили путешествие на Кавказ.

Там на одном склоне горы мы увидели в траве черепаху. Такую же, как наша – бывшая.

– Давай не будем её ловить? – сказал мне сын.

– Конечно, не будем, – ответил я.

Собаки нашей с нами не было. Но если бы она и была, то правильно бы поняла наш разговор.

Хитрый Симпатыга

Когда я был на Дальнем Востоке, то долго думал, что бы поинтереснее привезти оттуда в подарок своим ребятам.

Тигра, пожалуй, не довезёшь, мишку – тоже, ну а кита – и подавно.

– А вы бурундучка отвезите, – подсказали мне охотники. – Мы его мигом словим. Он безобидный, симпатичный, в дороге удобный.

Достали они мне бурундучка. Маленький – меньше белки, рыжеватый, с чёрными полосами на спине и хвосте. На мордочке большие любопытные глаза и такие же любопытные уши. В общем, не зверь, а симпатыга. Так я его и назвал.

Приготовили Симпатыге небольшой ящичек с дырками, насыпали туда немного зерна и ягод. Только на дорогу!

Я взял ящичек и поехал на аэродром. На Ту-104 до Москвы одиннадцать часов полёта. Погода хорошая. Доберусь!

В самолёте Симпатыга вёл себя настолько спокойно, что мои соседи даже не обратили внимания на незнакомого пассажира. Взревели моторы, и наша машина поднялась за облака. Теперь совсем хорошо: никто не услышит, как шевелится Симпатыга.

А Симпатыга шевелился, подставлял свою мордочку к дыркам ящика, пыхтел. Видно, очень ему было любопытно посмотреть, где он находится.

Прошло несколько часов полёта, и мы – в Иркутске. Посадка, опять взлёт, и вскоре Новосибирск. А от Новосибирска до Москвы рукой подать!

Вот уже самолёт наш идёт на посадку. Я прислушиваюсь. Симпатыга что-то замолк. Только что грыз зерно, поминутно подбегал к дыркам – и вдруг всё тихо.

Вышли мы из самолёта. Я сразу же приоткрыл ящик – хотел посмотреть, что случилось, но не тут-то было. Не успел я опомниться, как мой Симпатыга уже бежал по бетонному полю аэродрома в сторону леса. Да так бежал, что, наверно, на машине его не догонишь – не только пешком. Через минуту и хвоста его не было видно.

– Вот вам наказание за провоз незаконных пассажиров! – пошутил один из лётчиков.

– Да! Обидно. Перехитрил меня Симпатыга, – сказал я. – Доставил его бесплатно из Владивостока в Москву, а он удрал!

Прошёл месяц. Как-то в выходной день поехали мы с дочкой в лес. Он как раз неподалёку от аэродрома находился.

Ходим мы по лесу, грибы собираем.

Вдруг дочка как закричит:

– Папа! Папа! Смотри, зверёк!

Я подбежал. Гляжу – своим глазам не верю: сидит на суку мой Симпатяга. Сидит и на нас хитро так поглядывает.

– Это белочка, – говорит дочка. – Только почему-то очень смешная – полосатая вся.

Ну я уж не стал огорчать её – рассказывать, как сбежал мой дальневосточный подарок. А про себя подумал: «Определённо это мой! Иначе откуда же появился бурундук в Подмосковье!»

Топ-топ

С крокодилами я познакомился давно, но вот случай, которого я и сам не ожидал.

В Дакаре – столице Сенегала – я оказался проездом. Меня встретили наши земляки, хорошие люди. По стране повозили, всё объяснили, потом привезли домой.

Дом наш, советский, посольский, а за рубежом нет большего счастья, чем оказаться в советском доме.

– Заходи, заходи! – говорил мне хозяин дома и познакомил с женой и с дочкой своей – восьмилетней Наташей.

Наташа прильнула ко мне, потянула куда-то, и папа её вслед за ней:

– Да вот – главное! Наташина гордость! Посмотрите!..

Наташа провела меня в ванную и показала крокодила. Точнее, крокодильчика. Маленького, в половину метра длиной, зеленовато-серого, в бородавках.

– Посмотрите, какой он симпатичный, наш Топ-Топ! – сказала Наташа.

Крокодил плеснул воду в ванной и потянулся длинной своей мордой к Наташе, и глаза его – большие глаза – были при этом добрые и ласковые.

Наташа что-то сунула ему в пасть и тут же сказала:

– Я сейчас...

Она вернулась с бутербродом – хлеб и кусочек мяса – и сунула его мне:

– Дайте ему! Вы увидите, какой он ласковый, наш Топ-Топ!

Я взял у Наташи бутерброд.

– А почему он – Топ-Топ? – спросил я Наташу.

Папа посмотрел на неё сурово, а Наташа на папу просительно:

– Ну можно, папочка? Я дяде Серёже объясню!..

– Можно, – улыбнулся папа.

– А потому, – сказала Наташа, – что, когда папы и мамы нет, я выпускаю Топ-Топ из ванной и он ходит по комнатам, и топает, и...

– И ест мамины туфли и мои ботинки! – добавил папа. – И вообще всё, что попадётся...

– Ну папа! – сказала Наташа.

– Молчу! Молчу! – произнёс Наташин папа. – А вообще он нас всех забавляет.

Крокодил в это время опять взбудоражил воду, обрызгал нас и, встав передними лапами на край скользкой ванны, протянул ко мне открытую пасть. Я заметил серьёзные зубы и забыл, что держу в руках бутерброд.

– Вы не бойтесь! – сказала Наташа. – Дайте ему! Он ждёт!

Я сунул в крокодилью пасть бутерброд вместе с бумажной салфеткой.

– Ничего, Топ-Топ переварит, – сказала Наташа.

– Он всё переварит, – подтвердил папа. – Милейшее существо. И не подумаешь, что крокодил. Правда, Наташу ругаем, когда пускает его топать по комнатам, а так и не знаю, как мы жили без этого Топ-Топа вот уже... сколько, дочка?

– Пять месяцев! Даже шестой! – сказала Наташа.

Топ-Топ проглотил бутерброд и опять смотрел на меня. Он верно был симпатичный. Вовсе не такой, как огромные и скучные его собратья, которых я видел в других странах.

Зеленовато-серая кожа. Длинная, узкая мордочка с морщинками. И конечно, глаза. В чём-то пороссячи, но умные, когда он смотрит на Наташу, её папу и меня. Глаза будто просили чего-то...

– Он славный у нас, Топ-Топ, – повторил Наташин папа, когда мы выходили из ванной.

Скоро я вновь оказался в Дакаре и был очень рад, что Наташин папа и ещё один знакомый человек встретили меня в аэропорту.

Мы о чём-то говорили, но вдруг я спросил после расспросов о Наташе:

– А Топ-Топ как?

– Не говорите, ужасно! Вас месяц не было? Да, месяц! Так этот Топ-Топ пожрал у нас все занавески, все постели поел, и мы никак не можем с ним справиться...

– А зачем же Наташа его выпускает из ванной? – спросил я.

– Как – выпускает?! Он теперь сам выходит. И что вытворяет – трудно представить!..

– А как Наташа? – спросил я.

– Наташка плачет, но любит его, – сказал Наташин папа. – И стервец этот Топ-Топ, никого не признаёт, кроме Наташки. Ни меня, ни жену. А она ему скажет – и он топ-топ назад и сам даже в ванную залезает. Сейчас приедем – увидите.

Я действительно всё увидел. За месяц моего отсутствия маленький симпатичный Топ-Топ подрос и стал недобрым.

Слушался он только Наташу. От неё принимал еду. Ей позволял трогать себя.

Меня к себе Топ-Топ не подпустил.

Перед моим отлётом на родину Наташин папа спросил:

– А может, вы его с собой возьмёте? Я всё оформлю, поверьте! Устройте его там в зоопарк или куда?

Я люблю всякое зверьё, но, представив себе путешествие вместе с нынешним Топ-Топом, ужаснулся:

– Простите!

– Ну пожалуйста, дядя Серёжа, очень прошу! – сказала Наташа.

– Не сердись, Наташенька! Но сейчас – нет! Я что-нибудь придумаю.

Придумал не я один. Многие люди думали. И придумали. Доставили Топ-Топа грузовым рейсом в Москву.

Сейчас Наташа дома. На родине. В своём городе.

Когда у неё есть свободное время, она идёт в зоопарк, чтобы увидеть своего Топ-Топа.

Я тоже был в этом зоопарке. Меня Топ-Топ явно не узнал. А Наташу, говорят, узнаёт...

Полосатая киса

Историю про полосатую кису я узнал в пионерском лагере на реке Уссури.

Встретил я в этом лагере девочку. Девочка как девочка – с косичками и галстуком. Одно было удивительно: звали её необычно – Полосатая киса.

«Почему, – думаю, – полосатая?»

Кофточка у неё не полосатая. Видно, дело не в этом».

И верно. Слышу, что некоторые ребята ещё проще зовут девочку:

– Киса! Киса!

И девочка не обижается.

Решил узнать у неё самой. Спросил.

А девочка засмузилась, покраснела.

– Да так, – говорит, – это они просто шутят...

– А как же тебя на самом деле зовут?

– Лена, – говорит.

Чувствую, что Лена не хочет рассказать, в чём дело. Я решил не смущать её вопросами. Спросил у вожатой.

Вожатая рассмеялась.

– Ну и чудачка! – говорит. – Это просто смешная история. В позапрошлом году, когда Лена ещё только окончила первый класс, она здесь у нас, в тайге, тигрёнка нашла. Нашла и в лагерь принесла на руках. Вот, мол, какая смешная полосатая киса!

Мы перепугались тогда. Думали, что тигрица вслед за малышом в лагерь нагрянет. Но всё обошлось благополучно. Видно, тигрёнок отстал от матери, а может, и погибла его мать. Славный он был, очень маленький, ласковый. Вот Лена и приняла его за полосатую кошку.

Выкормили мы его из бутылки, а потом в зверинец передали, когда подрос. С тех пор и зовут наши ребята Лену Полосатой кисой.

Вот и вся история.

Ну а Лена теперь, конечно, уже выросла и ни за что не перепутает тигрёнка с кошкой.

Слоновья память

– А сейчас я покажу вам Шанго. Ему сорок лет. Двадцать лет он провёл в нашем зоопарке. В годы войны был эвакуирован. Потом вернулся. Между прочим, очень умный слон...

Директор зоопарка Иван Акимович открыл дверь. Мы вышли из зимнего помещения на летнюю площадку и оказались внутри ограды, где находился Шанго. Большой слон стоял возле водоёма и тёр голову об ограду.

Услышав наши голоса, Шанго повернул голову в нашу сторону и постучал концом хобота по земле. Огромные потёртые уши слона насторожились. Двухрядная кисточка хвоста заходила из стороны в сторону. Шанго тяжело вздохнул. Видимо, он был чем-то недоволен.

– Да вы не бойтесь, подойдите к нему, – сказал Иван Акимович, продолжая оставаться в дверях. – Это он на меня...

– А вы?

– Мне никак нельзя, – признался директор. – Он убьёт меня.

Я опешил.

«Ничего себе, – думаю, – если этот Шанго убьёт своего хозяина, директора, то что же он сделает со мной?»

И всё же мне никак не хотелось показать, что я струсил.

Я подошёл к слону и протянул ему яблоко. Шанго осторожно взял его хоботом и отправил в пасть.

Я порылся в карманах, но ничего не обнаружил, кроме нескольких мелких монет. Не успел я спрятать монеты, как Шанго потянулся к моей ладони.

– Нет, монету не дам, – сказал я, – ещё подавишься.

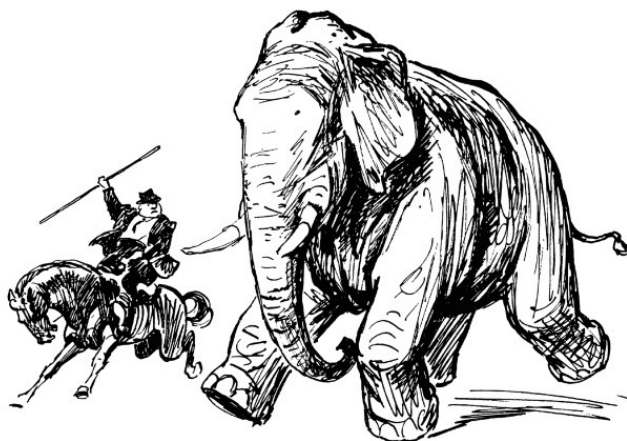
Словно поняв меня, Шанго закачал головой и, отойдя чуть в сторону, провёл хоботом по песку. Там уже лежало с десяток блестящих монет и пуговиц.

– Это его озорники приучили, – объяснил мне потом Иван Акимович. – Знаете, всякие посетители попадают. Есть и такие. Бросают ему пуговицы да монеты. А Шанго не дурак. Собирает их и складывает у себя за оградой: мол, не бросайте!

– А почему же Шанго вас так не любит? – поинтересовался я.

– Да это целая история! – сказал Иван Акимович. – Когда к нам привезли Шанго, он был молодым, непри-ручённым слоном. И вот в первую же ночь он сломал дверь слоновника, вырвался на волю, а потом разнёс ворота зоопарка и побежал по улицам города. Я тогда как раз дежурил в парке и помчался вдогонку. Взял первую попавшуюся лошадь, железную палку с острым наконечником. Перепугался, конечно. Представляете, что может наделать дикий разъярённый слон на улицах города! Догнал я Шанго почти в центре, когда за ним гнались и милиция, и пожарные. Бросил я палку с наконечником в слона. Она попала ему в ногу. Шанго споткнулся, упал. Потом вскочил и с испуга в ворота дома забежал. Тут мы общими усилиями и связали слона. Ну, доставили мы его обратно в зоопарк, промыли ранку на ноге. Она была, конечно, несерьёзная.

И вот подумайте только – уже двадцать лет прошло. Шанго привык к зоопарку, к посетителям. Ничего не скажешь! Но меня к себе даже близко не подпускает.

Я подошёл однажды, так после того в больнице пришлось лежать. Вот как меня он «приласкал». Значит, помнит, что я ему когда-то боль причинил. Неплохая у слона память!

Сложное поручение

В годы войны был у меня товарищ. Мы шутя называли его Звероводом. Это потому, что по профессии он – зоотехник, работал раньше в зверосовхозе. Ну а на фронте, в нашем артиллерийском дивизионе, он был разведчиком. Очень гордился наш Зверовод своей военной профессией. И верно, лихим разведчиком он был!

Мы стояли на окраине большого немецкого города, когда нашего Зверовода неожиданно вызвал к себе командир дивизиона.

– Вы были до войны зоотехником? – с ходу спросил он.

– Так точно!

– И работали в зверосовхозе?

– Так точно. Выращивал соболей и серебристых лисиц.

– Отлично! – сказал командир. – Берите мою машину и немедленно отправляйтесь к коменданту города. Он вас ждёт.

Ничего не понимая, Зверовод спросил:

– А разрешите узнать, товарищ майор, зачем?

– Там узнаете, – сказал майор, сдерживая улыбку. – Торопитесь!

Прибыл Зверовод к коменданту города – молодому подполковнику.

Комендант задал ему те же самые вопросы, а потом сказал:

– Очень хорошо. Есть сложное поручение. Немедленно отправляйтесь в зверинец и берите бразды правления в свои руки. Я подписываю приказ о вашем назначении комендантом зверинца. Даю в ваше распоряжение роту солдат. Обеспечьте животных едой, накормите всех до одного, а то они кричат там с голоду. Немцы их уже дня четыре не кормили. И ещё одно, самое сложное. Там есть бегемот. Его ранило осколком в спину. Надо немедленно оказать ему помощь...

– Но простите! – взмолился Зверовод. – Я же зоотехником был, с лисами дело имел, но никогда...

– Я до войны тоже никогда не был комендантом города, – перебил его подполковник. – Музыку преподавал в школе. А сейчас приходится. Выполняйте! И, в случае чего, беспокойте меня. Смотрите, чтобы ни одна зверюга не пропала!

Хочешь не хочешь, а приказ пришлось выполнять. Явился Зверовод на место новой службы – и ужаснулся.

Хоть и небольшой зверинец, а хлопот полон рот. Тигр, два медведя, обезьяны, птицы – все ревут и галдят наперебой, еду просят. В бассейне голодные тюлени мечутся. Испуганные олени и горные козлы по дорожкам зверинца бегают. А тут ещё раненый бегемот! Плавает бедняга в воде, вздымая волны, и от боли орёт так, что хоть уши затыкай.

Принялся Зверовод за работу. Сначала самое сложное сделали: накинули на бегемота канат, зацепили, подтащили его к решётке и тут связали. Теперь можно и рану промыть, залить её йодом да наложить швы. Рана не очень серьёзная, а кожа у бегемота толстая – заживёт!

Пока часть солдат возилась с бегемотом, другая ловила разбежавшихся животных да корм для них доставала.

Приближался вечер. Насытившиеся звери немного успокоились.

Настал час нашего отъезда. Зверовод, обрадованный тем, что справился с порученным заданием, прибежал к коменданту города.

– Разрешите, товарищ подполковник, ехать со своими? – попросил он.

– Нет! Так дело не пойдёт, – сказал комендант. – Оставайтесь на месте до тех пор, пока мы не найдём сведущих в «зверином» деле людей. Я уже послал запрос. А потом вы догоните своих.

– Да понимаете, – взмолился Зверовод, – стыдно мне! Этот бегемот за мной неотступно ходит, ну как поросёнок какой. Ребята смеются. Ведь я разведчик всё же, а тут бегемот...

– Ничего! – улыбнулся комендант. – Придётся потерпеть! Выполняйте!

Так мы и уехали без нашего Зверовода. А догнал он нас лишь через две недели возле Эльбы.

Первым делом явился к командиру дивизиона:

– Разрешите доложить, товарищ майор! Ваш приказ выполнен. Зверинец в полном порядке. Потерь нет. Бегемот здоров!

– Благодарю за службу! – весело сказал командир.

– Служу Советскому Союзу! – ответил наш товарищ.

С того дня так и стали мы звать нашего Зверовода «комендантом бегемота».

Топкин портрет

Как-то на одной выставке я увидел любопытную скульптуру. Это была голова собаки, вырезанная из дерева, – очень забавная и совсем как живая. Большие висячие уши, морда, покрытая густой шерстью, маленькие, чуть с хитринкой глаза, кончик языка, смешно вывалившийся из полуоткрывшейся пасти.

Под этой скульптурой я прочёл название: «Топка».

Я с интересом рассматривал голову собаки и вдруг заметил, что морда её кем-то покусана. На дереве были следы зубов, а конец уха, видимо, подклеен.

«Занятно! – подумал я. – Кто же мог покусать деревянную собаку?»

Может быть, я и не вспомнил бы об этом, если бы не случайная встреча.

Шёл я недавно по улице и встретил человека с собакой, которая показалась мне знакомой.

– Простите, это же у вас Топка? – спросил я.

– Топка, Топка, – ответил незнакомец. – Наверное, вы портрет её видели на выставке?

И верно, Топка была очень похожа на своё деревянное изображение.

Даже то, что у неё были короткие ноги и лохматый маленький хвост, меня не удивило. Именно такой я и представлял себе Топку.

Я сказал об этом хозяину Топки и, видимо, обрадовал его.

– Мне это приятно слышать. Кажется, работа удалась, – сказал он и тут же весело добавил: – А вот Топка по-своему мои труды оценила...

– То есть как – по-своему? – не понял я.

– Да вот как. Когда сделал скульптуру, отошёл я в сторону, чтобы на неё взглянуть. А Топка, негодница, цап в зубы свой же портрет и давай с ним по мастерской носиться. Рычит, лает, никак отдавать не хочет. Весь искусала, конец левого уха оторвала. Пришлось потом всё подправлять, подклеивать...

Пока мы разговаривали, Топка смотрела на нас одним прищуренным глазом.

Вид у неё был довольно смущённый, словно она хотела сказать: «Очень глупо вышло – сама себя покусала».

Зачем белке хвост

Шли два первоклассника из школы. Дорога – самая короткая – через лес и речку Вертушинку. Хотя погода и пасмурная, а так быстрее. По шоссе идти – лишний километр. Зачем же терять время? Время дорого!

В лесу поймали первоклассники белку. Их много сейчас в наших лесах. Как поймали, не знаю. Но поймали. Белка красивая. Бурая или красная – трудно сказать, но она казалась красной. И только у подбородка – белый треугольник. А хвост – пушистый и даже лохматый – чуть не больше самой белки. Глаза – бусинки.

Заспорили первоклассники, кто первым белку поймал, а пока спорили, мучили её в руках, как могли. Белка терпела, терпела да и укусила одного из первоклассников – того, который не сам белку поймал, а доказывал, что сам. И удрала. Сначала по земле, а потом по ели и куда-то вверх.

Заревел первоклассник.

Тут и я подошёл:

– Чего ревёшь?

– А он... А она...

Второй первоклассник при мне тоже уже готов был зареветь:

– Это он... А она... Я... Но он...

Погода стала хмуриться. Накапывал дождь.

– Вы в Глухово? – спросил я ребят.

– Ага, – ответил один из них.

– Пошли, а то дождь разойдётся...

Первоклассники шли рядом со мной и молчали. И я молчал.

Наконец спросил:

– А зачем белке хвост?

– Как? Как зачем? – очень удивились оба.

– Ну вот вы держали только что белку, видели, какой у неё большой хвост, а зачем он ей?

– Для красоты, – неуверенно сказал один первоклассник.

– Для того, чтоб с дерева на дерево летать, – сказал второй, тот самый, которого белка укусила.

– Верно!.. – кивнул я. – А ещё?

Ничего мне не могли ответить первоклассники.

Прошло два или три дня, когда меня позвали:

– Вас тут какие-то ребяташки ищут!

Я вышел на улицу. Смотрю – мои знакомые первоклассники.

– Дядь, пошли с нами, – сказал один.

– Мы вам что-то покажем, – добавил другой.

– А дождь? – спросил я.

Дождь моросил вовсю.

– Нам как раз дождь и нужен. А без дождя что? – сказали ребята.

Мы пошли в лес. По тропинке, как раз до того места, где первоклассники белку поймали.

– Смотрите! Смотрите! Туда смотрите! – наперебой шептали ребята, останавливая друг друга. – Да тише ты! А ты тоже тише! А то спугнём.

На ветке ели сидела белка. Хлестал дождик, но белка прикрылась хвостом, и ей, кажется, не было страшно.

– Наша, – прошептал один первоклассник.

– Вот бы ей гнездо сделать, а то так плохо, – тихо сказал другой. – Она, конечно, и зимой может так хвостом прикрываться.

– Теперь мы знаем, зачем белке хвост, – сказал первый. – Вы тогда спрашивали, а мы не знали.

– Вот видите, – ответил я, – и для красоты, и для того, чтобы летать с дерева на дерево, и для тепла нужен белке хвост-зонтик и хвост-шубка...

Благородные яки

Было это в декабре в Монголии. В декабре в Монголии ясно и очень холодно. Небо голубое, без единого облачка, а мороз за тридцать – только без ветра.

Мы возвращались из далёкого путешествия по скотоводческим фермам.

Нас трое – шофёр, старенькая «Волга» и я.

Друзья задержали нас. Стало уже темнеть. Звёзды выступили на посиневшем небе. Мы торопились. До селения – районного центра – добрых двести километров.

Дорога хорошая. По припудренному снежком песку, прихваченная морозом, она не хуже асфальта. Песок, снежок и сопки. То подъём, то спуск. То опять подъём и опять спуск.

Пятьдесят... сто... сто пятьдесят километров, прыгая и трясясь, проехали благополучно.

Но вот машина стала, и мотор её заглох.

Кругом степь, сопки и звёздное небо над головой. Месяц – в стороне.

Шофёр сбросил меховые рукавицы и открыл дверцу.

Лютый морозный воздух обдал нас.

– Сейчас посмотрю... Заело что-то...

Монголы хорошо говорят по-русски.

Он открыл капот машины и долго возился в моторе, и дул на руки, и вновь возился.

Я вышел из машины.

Шофёр почти окостеневшими от мороза руками продолжал копать в моторе, наконец сказал:

– Пошли назад, погреемся! Холодно!

Мы нырнули в кабину, совсем уже остывшую.

– А до селения далеко? – спросил я.

– Не очень, – сказал шофёр. – Пятьдесят или чуть больше километров, а если по сопкам, то покороче можно... Тридцать будет. Сейчас согрею руки, опять попробую. Заведётся!

И он пробовал. И не раз. Согревался. Снова пробовал.

Неожиданно впереди засветили фары. Машина! Явно машина!

Машина – а это был грузовик, я уже заметил, – шла по соседней проторённой по степи и сопкам дороге.

Наш шофёр бросился куда-то вниз, под откос, и, скатившись по снежному склону сопки, остановил грузовик. Они – два шофёра – о чём-то говорили. Потом шофёр грузовика, не выключая мотора, направился вместе с нашим шофёром к нашей старенькой «Волге». Путь был тяжёл – подняться на сопку, по которой идёт наша дорога.

Они подошли. Шофёр грузовика поковырялся в моторе. О чём-то поговорил с нашим шофёром. И ушёл...

Наш шофёр проводил его.

Вернулся и сказал:

– На большой машине ездит, а хорошим людям помогать не хочет...

В старенькой «Волге» мы замерзали.

Всё отлично было вокруг нас. И небо со всеми известными и неизвестными звёздами, и месяц, который ярко светил где-то в стороне от нас, – страшно равнодушный.

А что же мы?

Ещё час прошёл и второй.

Но вот на дороге появились в свете фар нашей неуправляемой машины два странных существа – огромные, чёрные, горбатые, с рогами, с шерстью, висящей от хвоста до головы и спускающейся на землю.

Ночью в свете фар трудно было понять, что к чему, но важно было, что кто-то появился на нашей дороге.

То были яки. Два быка и хозяин с ними. Значит, мы уже не одни.

Шофёр о чём-то говорил с хозяином.

Затем всё было как в сказке.

Двух заиндевелых чёрных яков с белыми пятнами на лбах прикрепили верёвками к нашей машине. Хозяин яков, тоже заиндевелый, что-то сказав нам, повёл их в обратную сторону. Повёл вместе с «Волгой». Огромные, чёрные, лохматые яки весьма бодро тащили нашу старенькую «Волгу».

Всё равно было холодно. И может, холоднее, чем было раньше. Ноги сводило от мороза. Руки коченели.

Но впереди спокойно шли два горбатых яка и их хозяин. В свете фар, покрытые инеем.

Через час или чуть раньше хозяин яков сел к нам в машину:

– Согреюсь чуть... А они дорогу знают!

В третьем часу ночи мы вернулись в районный центр.

Старенькую «Волгу» бросили у гостиницы. Хозяина яков устроили вместе с нами на ночлег.

– А мне утром даже лучше идти в аймак, – сказал он.

– А как же ваши яки?

– Они холод любят, а поесть им надо дать, – сказал хозяин яков. – Я ведь член кооператива, по-вашему – колхозник. Веду к себе домой этих яков...

Мы кормили яков, которые стояли у гостиницы, всем, что могли раздобыть. Сеном и хлебом, а я даже сахаром.

Яки принимали всё. Только тут я заметил, что в ноздри их вставлены большие металлические кольца.

Яки лизали мне пальцы и в лицо тыкали своими мордами – пытались лизать.

– Они добряки, если с ними по-доброму, – сказал мне хозяин яков.

Мы спали с ним в одной комнате.

– Тепло, хорошо, – сказал мне мой сосед по комнате.

Я вспомнил шофёра грузовика, который не помог нам в степи. И вспомнил яков. И их хозяина.

Хорошо вспомнить о добром.

Кто как радио слушает

Весной попал я на Камчатку – в дальний Коряк-ский округ, в село Ачайваям. Весна и тут чувствовалась, но снега лежали на три, если не больше, метра, а то и пурга задувала.

Тут совхоз, тут разводят оленей. Но олени пасутся, конечно, не в самом селе, а за сотни километров – в тундре.

Мы полетели туда на вертолёт Ми-4, в верховья реки Апуки. Там я и остался.

– Правильно, – сказал мне бригадир Василий Иванович Кияв, когда улетел вертолёт. – Однако, у нас поживёшь. Посмотришь, что и как. А моя юрта – твоя юрта.

Я отнёс свои вещи в юрту.

– Ну вот и хорошо, – сказал мне Василий Иванович. – Однако, не пожалеешь!

Он вышел со мной из юрты, захватив вместе с хлыстом радиоприёмник «Спидолу».

Я не успел удивиться, как из соседней юрты вышел его друг, Николай Егорович Илькини, – тоже со «Спидолой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.